

Человек, по словам Феофилакта Симокатты, вечно стремится к чему-либо новому, всегда жаждет перемен. «Ненасытен глаз человеческий, — пишет он, — и всегда, словно охваченный безумием, желает он нового»⁵⁶. Идея бесконечного круговорота вещей уживается у Симокатты с признанием категории необходимости. «Необходимость, как самый жестокий тиран, управляет жизнью человеческой»⁵⁷, — провозглашает наш историк. При этом идея необходимости, правящей миром, окрашена у Феофилакта в мрачные тона и звучит пессимистически. «...Пусть ваши души, — пишет он, — не страшатся поставить под удар тела. В жизни нет места, где бы нас не ждала гибель. Ничто в этой жизни не чуждо страданию — ко всему примешано горе»⁵⁸.

Одновременно Феофилакт Симокатта признает всеислие божественного промысла. «Возмещаются людям дела их»⁵⁹, — заявляет историк. По представлению Феофилакта, провидение — трансцендентная, но активная сила, которая, как высшее существо, ежедневно не дремлющим оком неумолимо наблюдает за всем, что совершается на земле⁶⁰. Вместе с тем Феофилакту Симокатте не чужды суеверия. Так, он верит, что дурные поступки внушаются людям злыми демонами⁶¹.

Итак, в философских концепциях ранневизантийских историков рационализм часто переплетается с агностицизмом, вера в человеческий разум — с самыми грубыми суевериями. Но все же в своем прагматизме они на голову выше византийских хронистов, которым было совершенно чуждо рационалистическое понимание окружающего мира⁶².

Сочинениям византийских историков раннего периода присуща еще одна общая характерная черта, порожденная самой эпохой. Все они, хотя и в разной мере, интересуются одним из самых животрепещущих вопросов современности — *борьбой римско-византийского и варварского мира*. Некоторые из них, как Аммиан Марцеллин, Олимпиодор и Агафий, понимают, что отражение натиска варваров — вопрос жизни и смерти для византийского государства. Другие — Прокопий, Менандр, Феофилакт Симокатта — с высокомерием потомков истинных римлян стремятся убедить себя и своих читателей, что варварская опасность не столь грозна и ромен, без сомнения, выйдут победителями из этой схватки. Большинство историков, подобно Аммиану, Прокопию и Менандру, относятся с презрением к невежественным и диким варварам, и лишь немногие, в их числе Олимпиодор и Приск Панийский, осознают не только силу варваров, но и их достоинства. И только один Агафий столь доброжелателен к варварам, что даже идеализирует их общественный строй. Но никто из ранневизантийских авторов не проходит мимо этого трагического столкновения двух миров.

⁵⁶ *Theophilacti Simocattae Historiae*, VII, 11, 4.

⁵⁷ *Ibid.*, V, 4, 10.

⁵⁸ *Ibidem*.

⁵⁹ *Ibid.*, VII, 11, 4.

⁶⁰ *Ibid.*, VI, 10, 4.

⁶¹ *Ibid.*, II, 10, 11.

⁶² З. В. Удальцова. К вопросу о мировоззрении византийского историка VI в. Евагрия. — ВВ, 30, 1969, стр. 63—72; G. Downey. Perspective of the early church historians. — «Greek — Roman and Byzantin Studies», 6, 1965.